

ПАМЯТИ УСОПШИХ

АРХИМАНДРИТ МАТФЕЙ (МОРМЫЛЬ)

(5 МАРТА 1938 г. — 15 СЕНТЯБРЯ 2009 г.)

Ясным осенним утром 15 сентября 2009 года звон большого лаврского колокола возвестил братии Троице-Сергиевой Лавры, наставникам и учащимся Московских духовных школ, окрестным жителям Сергиева Посада и приехавшим в Лавру паломникам об отшествии ко Господу одного из старейших насельников обители Сергиевой, бессменного регента знаменитого лаврского хора, заслуженного профессора литургики Московской духовной академии, известного всей православной России мастера регентского искусства и учителя церковного пения архимандрита Матфея (Мормыля).

Весть о кончине архимандрита Матфея вызвала обостренное чувство невосполнимости понесенной утраты, особенно ощутимой для осиротевшего лаврского хора; печалью и скорбью отозвалась эта весть в сердцах всероссийской паствы, ее иерархов и пастырей. Но вместе с тем эта весть несла в себе частицу вечного христианского упования и отблеск сокровенного светлого торжества, ибо *блаженны мертвые, умирающие в Господе*¹. В сознании сослужителей, учеников, друзей и почитателей архимандрита Матфея в новом восприятии, в новом видении, озаренном таинственным смыслом вечности, обозначилось и оформилось возросшее до своих подлинно исполинских масштабов величие его гениально одаренной, богатой творческой личности, являвшейся на протяжении многих десятилетий живым и одухотворенным олицетворением высоты и изящества церковного певческого искусства, живым эхом прогремевшей по всей Европе славы русского мужского монашеского хорового пения.

Архимандрит Матфей был человеком яркой судьбы, он был регентом по дару, регентом по призванию. Сила и мощь его творческого гения

¹ Откр. 14, 13.

раскрылись во всей своей полноте в исполнении возложенного на него служения, которое он исполнял до самых последних дней, всецело отдаваясь ему своей пламенной и энергичной натурой, своим вдохновением и творчеством, ежедневно принося себя в жертву своему любимому, высокому и священному жизненному предназначению. Больше всего на свете он любил Лавру преподобного Сергия и не представлял себе никакой другой жизни, кроме иноческого жития в сонме ее избранных учеников, никакого другого послушания, кроме славословия Господа, воссылаемого Ему в искусстве ниспосланного регентского дарования, никакого другого служения, кроме служения Академии, преподаванию в которой он отдал целые сорок пять лет, во исполнение слов Евангелия: *кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном*².

Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в послании, направленном на имя наместника Лавры Высокопреосвященнейшего архиепископа Феоноста в связи с кончиной архимандрита Матфея, отметил высокие нравственные достоинства почившего пастыря и его выдающиеся заслуги на славном и спасительном поприще церковного регентства как одной из форм современного христианского свидетельства миру о драгоценных сокровищах православного литургического предания. «Отец Матфей, — отмечается в послании, — на протяжении многих десятилетий нес послушание в стенах обители преподобного Сергия, не словом, но самым делом являя пример Христоподражательного подвига терпения, любви и твердости в вере. Заботами почившего пастыря братский хор Лавры получил поистине мировую известность, став еще в советские годы ярким свидетельством преемства монашеского подвига, соединенного с творческим осмыслением традиций церковного регентства и хорового исполнительского мастерства. В эпоху гонений на веру и Церковь это было одной из самых действенных форм проповеди православной веры как в нашем Отечестве, так и по всему миру»³.

Архимандрит Матфей (в миру Лев Васильевич Мормыль) родился 5 марта 1938 г. на Северном Кавказе, в бывшей Терской области, в ка-

² Мф. 5, 19.

³ <http://www.patriarchia.ru/db/text/742222.html>.

зачей станице Архонская, пригороде Владикавказа, в благочестивой православной семье потомственных певчих. В том же году 15 апреля был крещен в храме св. пророка Божия Илии в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Как сам он рассказывал в одном из последних интервью, происходил он из казачьей семьи, немало пострадавшей во время репрессий 30-х годов: «Дедушка по отцу был взят в 30-е годы на Беломоро-Балтийский канал и не вернулся. Мы за него молимся как за исповедника в неделю после Крещения, когда поминаются все исповедники, чтим своего дедушку, Максима Константиновича, глубоко религиозного человека. Он был членом двадцатки нашей церкви. А второй дедушка был расстрелян. Дедушка этот по маме, Троценко Лев Григорьевич. Он был Леонтий, но звали его Львом из-за прекрасного баса. Он прошел школу Шаляпина по постановке голоса, учился у Сатова в Тбилиси, очень певучий был дедушка. Я его не застал, его расстреляли за несколько месяцев до моего рождения, в 1937 году в возрасте 49 лет, на второй день праздника Рождества Богородицы. По описаниям бабушки и мамы я знал о том, как это происходило. Лишь после перестройки появилась возможность навести справки. Действительно, был расстрелян 22 сентября 1937 года. Но как мама рассказывала, со слов кладбищенского сторожа, его закопали живым. Выстрелили в него, он упал, но еще был жив»⁴. «Мама моя и бабушки сделали всё, чтобы поддержать религиозность в нашей семье. Папа вместе с тремя своими братьями ушёл на фронт, и никто из них не вернулся. В семье у нас было много слёз, особенно слёз бабушки, матери отца»⁵. Были в семье и монашествующие, в частности, сестра дедушки Льва Григорьевича — монахиня София, насельница монастыря св. вмч. Георгия на р. Куре, близ г. Георгиевска. По отцовской линии в роду тоже были монашествующие. «В моем роду я представляю уже четвертое поколение певчих»⁶, — с любовью вспоминал батюшка. Отца, Василия Максимовича, погибшего в Великую Отечественную

⁴ <http://www.bogoslov.ru/text/406168.html>.

⁵ <http://www.pravmir.ru/arximandrit-matfej-mormyl-na-chuzhom-osnovanii-nikogda-nichego-ne-stroil/>.

⁶ Там же.

войну, о. Матфей совсем не помнил. Во всех формулярных списках у него значится только «сын крестьянина», что в стране «рабочих и крестьян» избавляло от слишком пристального внимания «рабоче-крестьянской» власти. С особой теплотой он всегда отзывался о своей маме, Анне Леонтьевне, которая до глубокой старости пела на клиросе. «В отношении пения я, можно сказать, избалован музыкой, — делился своими воспоминаниями о. Матфей. — У нас был в церкви хор, который от дореволюционного времени остался и сохранился до 80-х годов. И мамочка моя пела в этом хоре, у нее был очень хороший второй альт. Она выручала теноров и всех мужчин. В 2000 году, за несколько дней до её смерти, совершалась Преждеосвященная Литургия, последняя, в среду, и вот уже началась вечерня, надо петь *Да исправится*, а мамочка моя очень встревожена — не пришло трио. И вот она подошла к левой двери алтаря и в щелочку говорит: “Батюшка, девчата не пришли”. А девчатам за 90! Отец Евгений обратился к ней и говорит: “Анна Леонтьевна, пропойте сами, одна *Да исправится*”. Она зашла на клирос, взяла часословчик, встала с палочкой на середину и последний раз в жизни *Да исправится* пела одна. Что можно сказать — человек всю жизнь пропел»⁷. Первые уроки церковного пения будущий регент получил в домово́й церкви, устроенной в небольшом станичном молитвенном домике, где ежедневно пел хор из слепых певчих. «Как прекрасно они вели клирос»⁸, — с нескрываемым восторгом говорил батюшка. Более всего его захватывал стиль монастырского пения слепых певчих, которые в 20-е годы пели с монахинями бывшего Владикавказского монастыря. Многому научился он у двоюродной сестры бабушки своего Максима Васильевича — матушки Ирины Руденко (схимонахини Иерофеи), одной из главных певчих Покровского монастыря во Владикавказе. Был в храме и праздничный хор, где пели те, кого учил дедушка, Лев Григорьевич, а в их числе и мама о. Матфея, Анна Леонтьевна. Названный в честь бабушки Львом, маленький Лев в семь лет уже прислуживал в алтаре и помогал слепым певцам на клиросе. До конца жизни с бла-

⁷ <http://www.bogoslov.ru/text/406168.html>.

⁸ Там же.

говеиной любовью и благодарностью о. Матфей вспоминал своего первого духовника иеромонаха Иоасафа (Бунделева), настоятеля храма в станице Архонская. Непросто было совмещать прислуживание в алтаре с занятиями в общеобразовательной школе, где сверстники смеялись над его религиозностью и обзывали «попом». «Я не переставал удивляться, — вспоминал батюшка, — казалось бы, комсорги, комсомольцы должны были служить примером воспитания, поведения. Среди них были и очень хорошие ребята, но некоторые... Как-то после одной из антирелигиозных лекций я пришел домой с шишкой (один из активистов в фуражку вложил камень и ударил меня по голове из-за палисадника)»⁹. После окончания средней школы в 1955 году юноша хотел сразу поступить в семинарию, но возраст не позволял: не хватало одного года. Поэтому до достижения 18 лет Лев прослужил год псаломщиком в храме. Однако за этот год он так изучил весь богослужебный круг, что заложил теоретическую основу для всей своей будущей творческой, научной и преподавательской деятельности. В 1956 году Лев поступает сразу во второй класс Ставропольской духовной семинарии, где ему особенно запомнились уроки по Новому Завету Николая Феодоровича Тропольского и незабываемые беседы о. Николая Лукьянова из Полтавской семинарии, принимавшего участие в церковных комиссиях, которые описывали события с обновлением икон в Полтавской епархии перед войной. В Ставропольской семинарии юноша накапливает багаж для своего будущего служения: обучается в классе церковного пения В. П. Пестрицкого — регента, знатока и любителя обиходных мелодий, последователя традиции певческой школы знаменитого хорового дирижера и педагога К. К. Пирогова (1876—1962); на рядовых богослужениях в семинарском храме и на архиерейских службах Великим постом в кафедральном соборе Ставрополя приобретает первый опыт управления хором. Именно в это время формируется у него названный им впоследствии «очень важным» навык работы: «готовить стихиры, расписывать, пропеть» богослужебные тексты. После первого года обучения в Семинарии,

⁹ <http://www.pravmir.ru/archimandrit-matfej-mormyl-na-chuzhom-osnovanii-nikogdaniego-ne-stroil/>.

летом 1957 г., Лев Мормыль несет послушание псаломщика и регента левого клироса в Никольском храме в г. Эссентуки и здесь встречается с известным тогда на Северном Кавказе диаконом Павлом Звоником († 1964 г.), регентом правого клироса, обладавшим особенным музыкальным чутьем, чьи певческая интонация и произношение проникали в душу и вызывали у слушателей необыкновенное умиление. Незабываемые впечатления от пения о. Павла повлияли на формирование собственного регентского стиля молодого семинариста.

Закончив в 1959 году по первому разряду Семинарию, Лев Васильевич Мормыль поступает затем в Московскую духовную академию, где сразу же знакомится с местным обиходом, а на втором курсе погружается в чтение аскетической литературы. Окунувшись в жизнь обители преподобного аввы Сергия и Академии у Троицы, молодой человек выбирает для себя монашеский путь. Из преподавателей и духовных наставников на него особо сильное влияние оказали протоиерей Иоанн Козлов, архимандрит Тихон (Агриков), профессор М. А. Старокадомский и ректор протоиерей Константин (Ружицкий). С о. Тихоном был связан интересный случай, о котором о. Матфей помнил до конца жизни: «Случилось так, — делился своими воспоминаниями об этом событии батюшка, — рано утром на Николин день в 5 часов утра мы встали и пришли под Успенский собор в Лавре. Смотрим, наш отец Тихон ведёт исповедь. Мы постояли, он провёл исповедь, а потом исчез куда-то. Мы немножко растерялись, потому что не знали технологии исповеди батюшкиной (оказывается, он разводил богомольцев по духовникам!). Потом он вернулся, мы прошли исповедь. И я на исповеди сказал отцу Тихону о своем заветном желании, что хочу в монастырь пойти. Он как держал у меня епитрахиль на голове, так постучал рукой по голове несколько раз: “Ну, ничего, брат Лев, года через три всё Господь управит”. Достал из своего кармашка небольшую книжечку, смотрю — Святое Евангелие..., и туда вложена икона Владимирской Божией Матери. “Вот, брат Лев, молись”. И получилось так, что ровно через 3 года, в 1962 году, в этот же день, Господь меня сподобил принять постриг... Что тут сказать — влиял отец Тихон или не влиял? Всё случилось ровно через 3 года. Великие люди всегда

есть и будут»¹⁰. Весной 1961 года Лев Васильевич Мормыль подает прошение в Лавру с просьбой принять его в число братии монастыря, и 21 июня того же года он становится послушником, продолжая обучение в Академии; несет послушание регента, а затем старшего регента и уставщика лаврского хора. В декабре 1962 года послушник Лев принимает монашеский постриг с именем Матфей (в честь св. апостола и евангелиста Матфея). 30 марта 1963 года он был рукоположен в иеродиакона, а 29 марта 1964 г. — в иеромонаха. К этому времени о. Матфей уже преподавал литургику в Московской духовной академии¹¹, которую он успешно окончил в 1963 г., защитив кандидатскую диссертацию на тему «Воскресение Христово в изложении русских богословов-апологетов».

В 1968 г. иеромонах Матфей был возведен в сан игумена, а в 1971 г. — в сан архимандрита. В марте 1984 г. архим. Матфей был удостоен звания доцента, в январе 1988 г. утвержден в звании профессора, а в августе 2004 г. ему было присвоено звание заслуженного профессора Московской духовной академии.

Отдавая все силы души служению любимому делу, о. Матфей практически восстанавливает заново то, что имела Лавра до закрытия: он по крупицам собирает нотную библиотеку лаврского хора, расспрашивая тех, кто еще помнил старые лаврские песнопения в гармонизации иеромонаха Нафанаила (Бочкало). Ежедневный кропотливый труд и полная самоотдача — вот прежде всего главный секрет его успеха. «Поначалу ведь ничего же не было, — вспоминал о. Матфей. — Я по такой системе работаю: каждое определенное песнопение переписываю, расписываю партии, а потом уже кладу отдельно. Взял, пропел и опять поставил на то же место. Составлять отдельные песнопения в сборники — сложно, объемно, громоздко. И для работы неудобно. Видите, у меня мозоли на руках. Это след от перьевой ручки, которой я пишу. Царство небесное Александру Ефимовичу Мирошниченко, моему школьному учителю, который вел у нас уроки чистописания. Если

¹⁰ Там же.

¹¹ См. статью выше статью архим. Матфея (Мормыля) «Литургическая наука в Московской духовной академии».

я, бывало, не так ручку держал, то мне линейкой по руке попадало. Зато — урок на всю жизнь»¹².

Получив мировое признание во время заграничных выступлений концертного хора, о. Матфей никогда не терял чувства принадлежности церковного пения храму. В этой связи будут весьма интересны его свидетельства о тех ощущениях, которые приходилось переживать ему и возглавляемому им хору на концертах за рубежом: «Очень важно, как преподнести материал, чтобы оцерковить слух и сердце слушающего, чтобы лицо Церкви показать в тех условиях, когда нет икон, когда интерьер совершенно другой. Я это на собственном опыте особенно остро почувствовал 12 февраля 1988 года во время нашего участия в торжествах, проходивших в Париже в здании ЮНЕСКО, в ознаменование 1000-летия Крещения Руси. Предстоял концерт. Мы начали репетировать в пустом зале. Я просто не мог найти звучание хора, как будто его подменили. Здание ЮНЕСКО — это же не храм. К концу нашей репетиции староста Елоховского собора Николай Семенович Капчук принес эмблему 1000-летия — хоругвь с изображением св. князя Владимира. Как только он поставил на сцену хоругвь и вокруг нее расположился хор, он сразу преобразился. Все пошло! Песнопения зазвучали! Принимали нас тепло, с пониманием»¹³.

Самым счастливым днем в своей жизни о. Матфей считал тот, когда впервые под сводами храма прозвучали знаменитые ныне слова стихиры всем русским святым: «Первый раз мы пели “Русь святую” со смешанным хором в 1963 году на престольном празднике Русским святым, под Успенским собором, там, где находится храм в честь русских святых. Знаете..., для меня это был один из самых счастливых моментов в жизни. Хор сделал то, что мне хотелось. И весь хор от умиления плакал»¹⁴. «В этих словах дорогого нашего Батюшки, — отмечает заслуженный профессор Московской духовной академии К. Е. Скурат, — разгадка того мощного церковного воздействия руководимого им хора на любого вошедшего в Божий храм. Кто-то из

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

хорошо знавших благодатного регента сказал: у него “музыка была с духовным восприятием”. Она согревала душу хора, двигала его к Небесному звучанию, доходила до сердец молящихся, окрыляла их души, отрывала от всего земного, подымала к миру вечной Любви, потому что сам Батюшка был глубоко духовен — он не просто исполнял послушание, а горел, горел ярко и светло! И таким он был везде: и в Божием храме, и в стенах московских духовных школ, и в быту, — все делалось им от сердца, а то, что сердца, — доходит, и непременно, до сердец других. Даже черствый человек чувствовал силу, величие духовности Приснопамятного. Подражать батюшке можно и должно, но повторить его невозможно!..»¹⁵

Приснопамятный архимандрит Матфей был очень талантливым ученым в области церковного пения и литургики. По свидетельству господина Клауса-Юрген Репке, представителя Евангелической церкви Германии, пригласившего о. Матфея принять участие в международном научном симпозиуме в г. Туцинге по поводу 1000-летия «обряда крещения Руси», имя о. Матфея значится в одном ряду с известными учеными богословами того времени: И. Мейендорфом, А. Поппе, Т. Шпидликом, Г. Кречмаром, Р. Мюллером и др. Многолетнее, многотрудное и плодотворное служение архимандрита Матфея Святой Церкви по достоинству отмечено многочисленными церковными наградами: он трижды награжден Патриаршими грамотами — в 1964, 1973 и 1985 г., в 1968 г. удостоен ордена Святого Креста Иерусалимской Церкви и ордена св. равноап. кн. Владимира III степени; в 1976 г. — ордена св. равноап. кн. Владимира II степени; 19 марта 1987 г., в связи с 650-летним юбилеем основания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, награжден орденом прп. Сергия II степени; 9 июня 1988 г., в связи с 1000-летием Крещения Руси, удостоен права ношения второго креста; 6 марта 1998 г., в связи с 60-летием со дня рождения, награжден орденом св. благ. кн. Даниила Московского III степени; 2 мая 2008 г. за многолетние усердные труды и в связи с 70-летием со дня рождения награжден орденом святителя Макария, митрополита Московского,

¹⁵ Из примечаний к настоящему некрологу проф. К. Е. Скурата. При цитации сохранена авторская орфография.

ОТДЕЛ III. ПАМЯТИ УСОПШИХ

II степени. Но, пожалуй, самой главной и наиболее дорогой наградой для архимандрита Матфея была и остается любовь к нему его учеников, которая выражалась в лаконичном наименовании его «Батей» — именно так, скупно, по-мужски, но с большой буквы. В характеристике, данной студенту 4 курса Московской духовной академии монаху Матфею (Мормылю), содержатся две, на первый взгляд, взаимоисключающие оценки: «Характер вспыльчивый, настойчивый. Отношения с окружающими ровные, дружественные». Сохранять дружественные отношения с окружающими, имея взрывной характер, можно только при наличии доброго, широкого и любящего сердца, отдавая всего себя любимому делу и любимым ученикам. И только такая любовь не умирает, но продолжает жить в тех, кого она озарила своим горением. Свидетельство одного из осиротевших учеников почившего наставника, епископа Гатчинского Амвросия, ректора Санкт-Петербургской духовной академии, в полной мере выражает то смешанное чувство скорби и радости о почившем, которое переполняет сердца всех, чья жизнь соприкоснулась с подвигом высокого служения Богу и Святой Церкви приснопамятного архимандрита Матфея: «Скорблю об утрате, но и радуюсь о том, что служение отца Матфея, плоды его трудов стали частью жизни Церкви Христовой и ее достоянием. С непостыжающей надеждою обращаюсь ко Господу об упокоении архимандрита Матфея в Его вечных селениях с сонмом святых и праведников, послуживших нашему Спасителю!»

Совет Московской духовной академии и семинарии